

УДК 81'1

СЛОЖНОЕ СЛОВО КАК ЭЛЕМЕНТ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Т.К. Иванова

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу сложного слова в словообразовательной системе русского и немецкого языков. Многообразие сложных слов в сопоставляемых языках является причиной рассмотрения этого словообразовательного явления с точки зрения как структуры, так и семантики. В ходе анализа сложного слова делается вывод о необходимости применения комплексного подхода к рассмотрению словосложения с целью разграничения внутри класса композитов-существительных отдельных групп. Целесообразным признается также анализ новых сложных слов с точки зрения словообразовательных категорий как наиболее общих явлений в словообразовательных системах неродственных языков.

Ключевые слова: сложное слово, словообразовательная система, морфологический подход, семантический подход, сопоставление, определительный композит, сравнение.

Проблемы словообразования как русского, так и немецкого языков актуальны на протяжении уже нескольких десятилетий, что находит отражение в статьях и монографиях, посвященных и словообразованию в целом, и отдельным его проблемам. Наличие разных точек зрения по вопросу словосложения, сложность и глубина этого явления послужили источником возникновения различных концепций восприятия сложного слова.

Актуальным признается в этом плане «исследование функциональной дифференциации словообразовательных систем конкретных языков, изучение реализации общего словообразовательного фонда в специальных сферах его употребления, в различных речевых разновидностях» [1].

Лингвисты не раз отмечали, что закономерности словообразования тесно связаны с социальными факторами. Система словообразования языка в аспекте его реализации отличается избирательностью словообразовательных средств по отношению к соответствующему стилю коммуникации. Из общего словообразовательного фонда в различные функциональные стили попадают лишь те способы и средства словообразования, которые наиболее полно отвечают задачам стиля [2, с. 57–63].

Словообразование является связующим звеном между элементами внешнего и внутреннего опыта человека, формируя обозначение понятий. Словообразование, таким образом, связано с теорией номинации, то есть ономаσιологией;

его функции связаны с образованием и использованием номинаций. Основной же функцией является пополнение словаря любого языка новыми наименованиями.

В современном словопроизводстве находят отражение черты, которые характерны для современного общества: высокая личностная активность, повышенная роль оценочных и количественных значений. Это ведет к тому, что потребность в новых словах для обозначения человека как активной движущей силы общественных процессов растет.

Изучение словообразовательных типов новых слов, их появления в результате различных взаимодействий с другими словообразовательными типами может дать представление о том, какие тенденции проявляются в современной словообразовательной системе языка. Кроме того, сопоставление русского и немецкого языков на словообразовательном уровне может быть полезным для преподавания данных языков в качестве иностранных.

В конце 80-х годов и в 90-е годы XX века в русском языке проходили бурные процессы обновления лексического состава: активно внедрялись новые слова в связи с необходимостью обозначить новые явления действительности, слова приобретали актуальные значения, возвращались старые, ранее малоупотребительные понятия. Многие из новообразований, например *авторитаризм*, *мафия*, *секонд-хенд*, *богочеловек*, *ясновидец*, вошли в дальнейшем в толковые словари новых слов и значений (ТРЯ), другие, как *берегоукрепитель*, *велобедуин*, были зафиксированы лишь в качестве одноразовых образований или окказионализмов словарями новых слов и значений (НРЛ-85, НРЛ-86 и др.). Данные процессы происходят сегодня не только в русском, но и во многих других языках, в том числе в немецком.

Анализируя новые слова, нельзя не обратить внимания на тот факт, что среди новообразований русского языка имеется большое количество сложных слов. Интенсивность использования в современном русском и немецком языках способов словообразования, позволяющих продуцировать слова со сложной структурой, и возросший интерес к сопоставительным исследованиям свидетельствуют о необходимости сопоставительного изучения данного явления.

В русском языке словосложение как способ образования имен существительных не было распространенным явлением, этим и объясняется небольшое количество исследований в данной области. Но и русскими языковедами сложные слова понимаются как нечто большее, чем просто сумма значений компонентов.

Словосложение представлено в немецком языке во всех частях речи. Первое место среди частей речи, единицы которых образованы этим способом, занимает имя существительное. В толковом словаре Г. Вариха (W) зафиксировано около 100 000 таких единиц.

Сложные существительные очень разнообразны по способу образования, структуре, своим грамматическим и стилистическим особенностям; они образуются по различным словообразовательным моделям. Все это затрудняет классификацию композитов, а также объясняет существование многообразия принципов описания сложных слов.

Сопоставимость словообразовательных систем русского и немецкого языков основывается на коренных общностях сложных слов или композитов в семантической организации данных систем. На протяжении нескольких десятилетий русские германисты изучали проблемы немецкого языкознания. Вполне естественно, что при этом они опирались на опыт русских языковедов. Преемственность идей прослеживается и в системах классификаций немецких композитов. Так, например, М.Д. Степанова ссылается на работы академика В.В. Виноградова, прежде всего на «Граматику русского языка».

Рассматривая сложные слова как элемент словообразовательной системы в сопоставительном аспекте, нельзя не опираться на накопленный теоретический опыт в данной области.

При сопоставлении русского и немецкого словообразования необходимо учитывать те особенности, которые уже выявлены учеными при описании обоих языков (И.В. Арнольд, С.В. Вашунин, В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова, А.И. Смирницкий, М.Д. Степанова, И.И. Чернышева, Х. Бринкманн, В. Моч, В. Фляйшер и др.). Исследования в области новых сложных слов связаны и с теорией окказионализмов, которой, в частности, посвящены работы А.Г. Лыкова, Эр. Ханпиры.

Руководствуясь фундаментальными исследованиями известнейших лингвистов в области сложных слов, таких, как Е.А. Василевская, Г.О. Винокур, Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, В.В. Лопатин, А.Н. Тихонов, И.С. Улуханов, мы разделяем традиционное понимание **сложного слова**. Это лексема, имеющая в своем составе две или более производящие основы или самостоятельных слова и обладающая структурно-семантической целостностью. Словосложение «заключается в том, что два корня или две словообразующие основы, состоящие из корня и аффикса, или два грамматически оформленных слова, или несколько корней основ, слов соединяются в одну лексическую единицу, обладающую признаками слова. К внешним признакам, прежде всего, относятся: единая неизменяемая, хотя и сложная словообразующая основа и централизирующее (главное) ударение при наличии второстепенных» [3, с. 64].

В отечественных исследованиях встречаются также термины «двукорневое», «бикорневое», «поликорневое слово», в германистике приняты понятия «комполит», «сложное слово (*Zusammensetzung*)». В дальнейшем для анализируемого явления будут использованы термины «сложное слово» и «комполит» как синонимы.

Занимаясь исследованиями в области соотношенности: слово – сложное слово – предложение, и русские, и немецкие ученые выделяли ряд существенных характеристик, отличающих сложное слово. В целях четкого разграничения композита и словосочетания, учитывая, что нами анализируются два разносистемных языка, мы руководствовались комплексным набором критериев статуса композита, согласно которому сложное слово отличается: семантической и номинативной целостностью; невозможностью свободного замещения первого и второго компонента; морфологической и акцентной цельнооформленностью; непроницаемостью, то есть невозможностью разделить компоненты сложного слова третьим; характером смысловых отношений между компонентами сложного слова: а) атрибутивным, б) предикативным, в) обстоятельственным, г) объектным; отнесенностью к той или иной части речи; возможностью обра-

зования по определенным структурно-семантическим моделям; способностью служить базой для образования новых слов.

Семантическая и номинативная целостность заключается в способности сложного слова обозначать нечто большее, чем сумма значений его компонентов (см. [4, с. 317]). Например, слово *автонарушитель* (НРЛ-86) обозначает водителя, нарушившего правила дорожного движения, то есть подразумевает, что в момент нарушения правил данный человек был за рулем автомобиля. Форма соединения, передающая вид связи между членами композита, например, в слове *Windmühle* (ветряная мельница), не имеет грамматического синонима [5, с. 141]. Даже преобразования типа *Wanduhr – Uhr an der Wand*, *Bücherregal – Regal mit Büchern*, *Regal für Bücher* и другие не совсем одно и то же, так как они передают лишь возможные интерпретации сложного слова. Такие «описания» композитов при помощи словосочетания ведут, как правило, к потере обобщенного значения. В семантической структуре сложного слова различается как раз базовое значение предметного отношения и «идиоматическая» надстройка над ним в виде ассоциаций в общественном сознании с «предметом такого вида», не получающих в составе композита материального воплощения [5, с. 142].

Замещение компонентов в сложном слове ведет к изменению его значения: *железогрыз* (НРЛ-85) и потенциальное *грызожелез*, *der Autohändler* (LG) – торговец автомобилями и *das Händlersauto* – автомобиль торговца, причем у немецкого слова меняется и грамматическая категория рода.

Грамматического рода не имеет первый компонент сложения в немецком языке, что показательно по отношению к цельнооформленности. В русском языке данный морфологический признак может сохраняться у обоих компонентов композита: *бортмеханик-оператор* (НРЛ-86), *диспетчер-контролер* (НРЛ-87) и *десантник-сапер* (НРЛ-86). И в русском, и в немецком языке главный компонент сложного слова выделяется логическим ударением [3, с. 64], с той только разницей, что в немецком языке главный или определяемый компонент сложения, как правило, находится на втором месте, а определяющий – на первом.

В истории словообразования для ранних работ характерно определение семантики композитов путем выявления обобщенных типов отношений между компонентами [6, с. 6]. В зависимости от данных отношений выделяются, по крайней мере, два вида композитов: определительные, или детерминативные, и копулативные, или сращения.

Отличаются ли новые сложные слова, или композиты в немецкой терминологии, от уже существующих в языке? Какие словообразовательные средства и способы участвуют в их образовании? Сопоставительный анализ сложных слов в разносистемных языках позволяет ответить на данные вопросы.

В зависимости от способов, выделяемых в словообразовании, различаются морфологический и синтаксический подход в понимании структуры сложного слова.

При морфологическом подходе главную роль играет наличие в составе композита нескольких корневых морфем, которые и образуют его производя-

шую базу. В русском и немецком языках можно выделить схожие структурно-грамматические типы сложных слов.

Ссылаясь на работы В.В. Виноградова, Е.А. Василевская пишет, что наибольший интерес вызывают «структурно-грамматические типы композитов-существительных» русского языка [7, с. 101], среди которых отдельную семантическую группу образуют названия лица [7, с. 96]. При классификации композитов, являющихся наименованиями лица, второй компонент сложного слова рассматривается отдельно, так как в его словообразовательное значение входит сема «человек/лицо, который...». Композиты-существительные в русском языке состоят из двух, реже трех компонентов, осложненных или не осложненных суффиксами [7, с. 96]. По структуре они менее сложны, чем немецкие, которые могут состоять и из четырех компонентов. Однако структурно-морфологические типы композитов в сопоставляемых языках практически не отличаются, если сравнить группы, выделенные М.Д. Степановой [8], В. Фляйшером [9] и Е.А. Василевской [7, с. 96].

В. Фляйшер разделяет сложные существительные исходя из двух различных принципов: а) по структурно-генетическому типу и б) по типу семантической связи между компонентами композита. Исходя из первого принципа определяются модели, по которым идет образование сложных слов. Эти модели не отличаются от традиционных и описываются В. Фляйшером как сочетания «существительное + существительное», «глагол + существительное» и др. [9]. Подчеркивая важность образования сложных слов в немецком языке как ведущего способа образования новых слов, Й. Эрбен отмечает многочисленность именно группы сложных существительных [10, с. 65–67]. Он различает среди новых сложных существительных детерминативные композиты и копулативные композиты, образующиеся по упомянутым выше моделям «существительное + существительное» /S + S/, «прилагательное + существительное» /A + S/ и др. [10, с. 67–70].

Среди русских композитов, появившихся в последнее десятилетие XX века, количественно выделяется группа сращений (см. (НРЛ-85, НРЛ-86, НРЛ-87)). Объяснить происхождение данных образований исходя из анализа непосредственно составляющих компонентов, не представляется возможным. Самый распространенный тип сложных существительных в немецком языке – это определительные композиты, имеющиеся и в русском языке. Их природа наиболее изучена.

Последний компонент в них – всегда существительное, что не является обязательным для соответствующих композитов русского языка. А первым компонентом – определителем – может служить основа любой части речи. Значение такого композита практически выводимо из значений его составляющих. В ряде случаев тот или иной компонент или все слово может подвергаться переосмыслению. Семантика связи между обоими компонентами также очень обширна. Максимально семантическая структура детерминативных субстантивных композитов может состоять из семи компонентов: морфологического, структурно-семантического, тематического, семантико-синтаксического, коннотативного, типа смыслового содержания и индивидуально-лексического компонента [6, с. 8].

Морфологический состав композитов-существительных русского и немецкого языков обнаруживает ряд сходных черт. Первый компонент может быть выражен основой любой части речи, в то время как последний компонент чаще всего представлен основой имени существительного или уподобляемой существительному усеченной формой глагола: *ледолаз, ахматовед* (НРЛ-85, НРЛ-86).

С точки зрения сочетаемости морфем в состав композитов-существительных могут входить собственные полные основы (С), усеченные основы (У), иноязычные основы (И) (интернациональные в том числе) (см. [11, с. 32]). Сложные слова в сопоставляемых языках могут состоять:

1) из одной иноязычной и одной «собственной» части (И + С) или (С + И): *авторуководитель, рок-танцор, рок-nana, Rock-sänger*;

2) из двух иноязычных частей (И + И): *баротерапевт, биодизайнер, Rock-Star, Haar-Spray*;

3) из двух «собственных» частей (С + С): *берегоукрепитель, вездеходовладелец, der Jugendforscher* (НРЛ-85, НРЛ-86, LG).

Знание структуры и сочетаемости морфем внутри сложного слова может быть полезно при преподавании данного языка в качестве иностранного.

Однако структурный подход в понимании сложного слова не дает однозначного ответа на вопрос: какую смысловую нагрузку несет новое слово, образованное из двух или более корневых морфем? Еще Л.В. Щерба выдвигал семантическую целостность композита на первый план в понимании сущности сложного слова. Понятие семантической целостности, или структурного лаконизма (термин В.М. Павлова (см. [6])) лежит в основе синтаксического подхода, разрабатываемого еще с 70-х годов XX века.

Словообразование с позиций данных подходов является процессом комбинаций, где можно оперировать теми же универсально-грамматическими принципами, что и в синтаксисе предложения. Значимыми являются при этом принципы связи аргументов, или рекурсивность. Именные композиты интерпретируются по синтаксической роли их составляющих в соответствующих перифразах и связанным с ними семантическим ролям. Это ведет к большему дроблению и специфическому подразделению словообразовательных моделей или типов, которые часто либо избыточны, либо недостаточны, а само понимание композита-существительного сводится к трансформации его в соответствующую перифразу. Интерпретация какого-либо композита осуществляется в этом случае по схеме: в композите АВ «В связано каким-либо образом с А» [12, S. 36].

Критикуя синтаксические подходы, Э. Косериу [13] приходит к выводу, что образование сложных слов нельзя описать при помощи специфических правил. Он исходит из того, что каждый композит-существительное может иметь бесконечное множество интерпретаций, которое определяется в каждом конкретном случае контекстуальными или экстралингвистическими факторами. Словообразовательные конструкции, как и простые слова, являются средством номинации, но в отличие от последних могут употребляться в качестве параллельных форм по отношению к синтаксическим словосочетаниям, то есть имеют двойную функцию. В своей ранней работе [3] М.Д. Степанова напрямую связывает сложное слово и словосочетание, рассматривая их как параллельные конструкции.

Определенные виды сложных слов могут выполнять функцию синтаксического словосочетания (см. [3; 5, с. 50]). Однако словообразовательная конструкция не способна выразить все его морфолого-синтаксические отношения, ибо она выполняет эту «конкурирующую» функцию так, как это свойственно слову с его стабильностью структуры [3, с. 76].

И морфологический, и синтаксический принципы рассмотрения специфики сложного слова являются правомерными, хотя и недостаточными, если сложные слова рассматривать как однородные образования. Казанская лингвистическая школа, выделяя морфемный и семантический способы русского словообразования в их разновидностях [14, с. 28–37], подразделяет сложные слова на сложения и сращения [14, с. 126–131]. Сложения, подобно дериватам, возникают по уже существующим в языке моделям, с той только разницей, что в их образовании участвуют две и более корневые морфемы. В этом случае сложные слова, как и дериваты, образуются по определенным словообразовательным моделям с определенным словообразовательным значением. Сращения являются продуктом семантического переосмысления или трансформации словосочетания. Сращение типично для образования не только имен прилагательных, но и сложных существительных [4, с. 131]: *дизайнер-модельер*, *режиссер-консультант*. Своеобразной разновидностью сращений считаются сложносокращенные слова.

Наиболее удачная попытка классификации новых сложных слов, на наш взгляд, представлена в работе Й. Эрбена «Введение в немецкое словообразование» [10]. Одна из глав его работы под названием «Какую структуру имеют новые слова?» посвящена рассмотрению неологизмов именно с точки зрения их состава и используемых словообразовательных средств.

Согласно мнению автора, основная тенденция в словообразовании на современном этапе – комплексность в использовании словообразовательных средств. Данное замечание справедливо в отношении как деривации, так и композиции (образования сложных слов) [10, с. 32]. Между композитами и дериватами наблюдается некий параллелизм, пишет Эрбен, так как и те, и другие обнаруживают в своей структуре доминирующий и связный компонент в качестве непосредственно-составляющего. В случае композита имеется, как правило, два таких доминирующих компонента [10, с. 34]. На примере сложного слова *Bergwerk* и его словообразовательных производных *Kohlen-Berg-Werk*, *Stein-Kohlen-Berg-Werk* Й. Эрбен получает М4-М3-М2-М1 как обобщенную схему моделирования более сложного слова. Таким образом, к основному сложному слову могут присоединяться и другие основообразующие морфемы. Выступая в виде дополнительных определяющих компонентов, в немецком языке они занимают место перед определяемым словом.

Й. Эрбеном отмечены и особые случаи словосложения – сдвиги, при которых к сложному слову присоединяется целое словосочетание в виде определения. Например, *Saure-gurken-zeit*, *das Graue-Maus-Dasein* [10, S. 37].

Таким образом, при словообразовательном анализе сложных слов в сопоставляемых языках необходимо учитывать и структурно-грамматический, и семантический подходы. Рассматривая композиты с точки зрения их структуры, следует различать типы связи между компонентами. Необходимым представ-

ляется также выявление общих словообразовательных категорий и средств их выражения в обоих языках.

Сходные словообразовательные категории в сравниваемых языках основываются на одинаковых ономаσιологических принципах. Они рассматриваются как основные понятийные категории, образующие в конкретном языке словообразовательную базу для номинации. В основе такого сопоставления могут лежать и частные словообразовательные значения.

Словообразовательные категории обоих языков обнаруживают много сходств, свидетельствующих о сравнимых номинативных потребностях (см. [15]). Словообразовательная категория как единица словообразовательной системы не выражена конкретно аффиксами и способами образования – она представляет собой семантическое обобщение (см. [15]). Данное обобщенное значение связано со словообразовательным значением. На основе сопоставления общих категорий и средств их выражения можно выявить сходства и различия в системе словообразования русского и немецкого языков.

Summary

T.K. Ivanova. Compound Word as an Element of Word-Building System of the Russian and German Languages.

The article deals with comparative analysis of compound word in word-building system of the Russian and German languages. The fact that compound words are various is the reason to analyze this phenomenon from the point of view of both structure and semantics. In the course of compound word analysis a conclusion is made about the necessity of a complex approach to word composition in order to distinguish separate groups within the composite nouns. The analysis of new compound words from the point of view of word-building categories is considered to be essential as these words are a most common phenomenon in the word-building systems of non-related languages.

Key words: compound word, word-building system, morphological approach, semantic approach, comparison, attributive/determinative compound word, joint compound word.

Источники

- НРЛ-85 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1985 / Под ред. Н.З. Котеловой, Ю.Ф. Денисенко. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 351 с.
- НРЛ-86 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1986 / Под ред. Н.З. Котеловой, С.И. Алаторцевой, Т.Н. Бурцевой. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 381 с.
- НРЛ-87 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1987 / Под ред. Н.З. Котеловой, Ю.Ф. Денисенко. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 352 с.
- ТРЯ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 701 с.
- LG – Langenscheidt Grosswörterbuch: Deutsch als Fremdsprache. Das einsprachige Wörterbuch für alle, die Deutsch lernen. Neubearbeitung / Hrgs.: D. Götz, G. Haensch, H. Wellmann. In Zusammenarbeit mit der Langenscheidt-Redaktion. – Berlin; München: Langenscheidt KG, 2003. – 1256 S.
- W – *Wahrig G.* Deutsches Wörterbuch. Mit einem "Lexikon der deutschen Sprachlehre". – Verlagsgruppe Bertelsmann GMBH, Mosaik Verlag GMBH, Lexikothek Verlag GMBH, 1980–1981. – 4358 S.

Литература

1. *Абызова Э.Б.* Статистическое исследование структуры немецких существительных. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. – 97 с.
2. *Даниленко В.П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
3. *Степанова М.Д.* Словообразование современного немецкого языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1953. – 376 с.
4. *Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А. и др.* Современный русский язык. – М.: Высш. шк., 1989. – 799 с.
5. *Павлов В.М.* Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. – Л.: Наука, 1985. – 299 с.
6. *Вауниин В.С.* Субстантивные сложные слова в немецком языке. – М.: Высш. шк., 1990. – 159 с.
7. *Василевская Е.А.* Словосложение в русском языке. – М.: Учпедгиз, 1962. – 132 с.
8. *Степанова М.Д., Чернышева И.И.* Лексикология современного немецкого языка. – М.: Высш. шк., 2005. – 251 с.
9. *Fleischer W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1974. – 361 S.
10. *Erben J.* Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. – Berlin: Erich Schmidt Verlag & Co., 2006. – 205 S.
11. *Гринберг И.М.* Словообразовательные модели сложных существительных в современном русском языке // Русское сравнительное и сопоставительное словообразование. – Казань: Казан. гос. ун-т, 1986. – С. 32–35.
12. *Fandrych Ch., Thurmair M.* Ein Interpretationsmodell für Nominalkomposita: linguistische und didaktische Überlegungen // Deutsch als Fremdsprache. – 1994. – Н. 1. – С. 34–44.
13. *Coseriu E.* Inhaltliche Wortbildungslehre (am Beispiel des Typs “coupe-papier”) // Brekle H.-E., Kastovsky D. (Hgs.) Perspektiven der Wortbildungsforschung. – Bonn, 1977. – С. 48–61.
14. *Балалыкина Э.А., Николаев Г.А.* Русское словообразование. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. – 184 с.
15. *Ohnheiser I.* Wortbildung im Sprachvergleich Russisch-Deutsch. – Leipzig: VEB, 1987. – 184 S.

Поступила в редакцию
07.09.09

Иванова Татьяна Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка как иностранного Института языка Казанского государственного университета.

E-mail: tanysha_07@list.ru